

**Рец. на кн.: Е.Ю. ВАНИНА (отв. ред.). ХУЛА И ХВАЛА:
КОММУНИКАТИВНЫЕ МОДАЛЬНОСТИ
ИСТОРИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО СВОЕОБРАЗИЯ.**

**М.: Наука — Восточная литература, 2017. 927 с., ил.
(Под небом Южной Азии. Т. 4)**

Виктор Александрович Шнирельман

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
32а Ленинский пр., Москва, Россия
shnirv@mail.ru

А н н о т а ц и я: В рецензии обсуждается книга, посвященная вербальным и невербальным практикам в Южной Азии, связанным как с лестью, так и с оскорблением. Эта тема рассматривается на материалах различных исторических периодов. Речь идет, во-первых, об особенностях местных СМИ и «языке вражды» в современных условиях, во-вторых, о колониальном дискурсе и, в-третьих, о средневековых канонах и нормах выражения эмоций. В книге показано, что в Южной Азии изученные практики часто связаны с ритуальным речевым поведением или с традиционными коммуникативными стратегиями.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Южная Азия, этикет, вербальное поведение, «язык вражды», колониальный дискурс, эмоции.

Д л я с с ы л о к: Шнирельман В. Рец. на кн.: Е.Ю. Ванина (отв. ред.). Хула и хвала: Коммуникативные модальности исторического и культурного своеобразия. М.: Наука — Восточная литература, 2017. 927 с., ил. (Под небом Южной Азии. Т. 4) // Антропологический форум. 2019. № 40. С. 200–209.

U R L: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/040/shnirelman.pdf>

do i: 10.31250/1815-8870-2019-15-40-200-209

**A Review of E. YU. VANINA (ed.), KHULA I KHVALA:
KOMMUNIKATIVNYE MODALNOSTI ISTORICHESKOGO
I KULTURNOGO SVOEOBRAZIYA [ABUSE AND PRAISE:
COMMUNICATIVE MODALITIES OF HISTORICAL
AND CULTURAL ORIGINALITY].**

**Moscow: Nauka — Vostochnaya literatura, 2017, 927 pp., ill.
(Under the Skies of South Asia, vol. 4)**

Victor Shnirelman

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences
32a Leninskiy Av., Moscow, Russia
shnirv@mail.ru

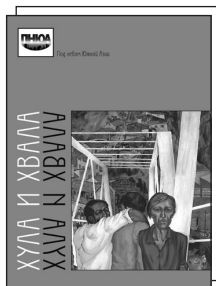
A b s t r a c t: This review discusses a book on the South Asian verbal and nonverbal practices of expressing either flattery, or insult. The authors analyze data from various periods of time. They cover, firstly, contemporary media and hate speech, secondly, colonial discourse, and thirdly, medieval rules and norms of the manifestation of emotions. It is argued that the South Asian practices in question were frequently caused by either ritual verbal behavior, or traditional communicative strategies.

Key words: Southern Asia, etiquette, verbal behavior, hate speech, colonial discourse, emotions.

To cite: Shnirelman V., 'A Review of E. Yu. Vanina (ed.), Khula i khvala: Kommunikativnye modalnosti istoricheskogo i kulturnogo svoeobraziya [Abuse and Praise: Communicative Modalities of Historical and Cultural Originality]. Moscow: Nauka — Vostochnaya literatura, 2017, 927 pp., il. (Under the Skies of South Asia, vol. 4), *Antropologicheskij forum*, 2019, no. 40, pp. 200–209.

U R L: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/040/shnirelman.pdf>

do i: 10.31250/1815-8870-2019-15-40-200-209

Рец. на кн.: **Е.Ю. Ванина** (отв. ред.). *Хула и хвала: Коммуникативные модальности исторического и культурного своеобразия*. М.: Наука — Восточная литература, 2017. 927 с., ил. (Под небом Южной Азии. Т. 4)

В рецензии обсуждается книга, посвященная вербальным и невербальным практикам в Южной Азии, связанным как с лестью, так и с оскорблением. Эта тема рассматривается на материалах различных исторических периодов. Речь идет, во-первых, об особенностях местных СМИ и «языке вражды» в современных условиях, во-вторых, о колониальном дискурсе и, в-третьих, о средневековых канонах и нормах выражения эмоций. В книге показано, что в Южной Азии изученные практики часто связаны с ритуальным речевым поведением или с традиционными коммуникативными стратегиями.

Ключевые слова: Южная Азия, этикет, вербальное поведение, «язык вражды», колониальный дискурс, эмоции.

Южная Азия огромна и необъятна. Она поражает не только своими географическими масштабами, но и прежде всего культурно-языковым разнообразием и глубочайшей историей. По-видимому, это ощущение безмерности оказало влияние и на организаторов и участников возглавляемого И.П. Глушковой проекта «Под небом Южной Азии», четвертый том которого служит предметом рецензии. Эти тома впечатляют своими объемами, причем каждый следующий (а предполагается выпустить всего семь томов) оспаривает достижение предыдущего, как будто перед нами разворачивается захватывающее спортивное состязание. А как же иначе? Ведь чего только не случилось под небом Южной Азии, и все это в мельчайших деталях хочется отразить авторам.

Проект междисциплинарный, он посвящен не столько собственно истории, сколько культурным практикам и стереотипам, вербальному и невербальному поведению, табу и их нарушению, воображению и культурной памяти, национальной и региональной идентичности, борьбе за приоритет эпических героев и исторических личностей, причем все это анализируется в исторической динамике с учетом регионального разнообразия. Ясно, что проект был бы невозможен

Виктор Александрович Шнирельман

Институт этнологии
и антропологии РАН,
Москва, Россия
shnirv@mail.ru

без обращения к культурной антропологии и филологии. Его организаторы видят в нем «эксперимент гибридного стиля», где научные статьи перемежаются с художественными произведениями, что добавляет буйства красок, характерного для южного континента. Не менее важно и то, что проект международный, и в нем наряду с российскими исследователями участвуют уроженцы Южной Азии, что придает результатам особую значимость.

Том «Хвала и хула» посвящен вербальным и невербальным практикам во всем их многообразии с учетом их многофункциональности, включая политическую жизнь и даже межгосударственные взаимоотношения. Том построен ретроспективно, как будто его 26 авторов принялись раскапывать многослойное древнее поселение: вначале тема освещается на материалах современности, затем рассматривается период колониализма, а под конец наступает черед самого загадочного и экзотического средневекового этапа. Каждый раздел предваряется детальным введением Е.Ю. Ваниной¹. Речь идет, во-первых, об особенностях местных СМИ и «языке вражды» в современных условиях, во-вторых, о колониальном дискурсе и, в-третьих, о средневековых канонах и нормах выражения эмоций. Причем обнаруживается, что именно в Средневековье закладывались каноны хвалы и хулы, тогда как современный период отмечен девятым валом хулы. С чем это связано? Не исключено, что это aberrация, вызванная особенностями источников: от Средневековья до нас доносится лишь голос высшего слоя, озабоченного взаимоотношениями с богами и властью имущими, которых надлежало восхвалять («царство канонов и клише», по Ваниной), а хула предназначалась лишь инокультурным «чужакам», тогда как современная демократизация отличается многоголосием, в котором доминируют народные массы со своими более приземленными проблемами и более грубым языком.

Лесть и оскорбление рассматриваются авторами как популярные стратегии публичной и частной жизни. Южноазиатский материал вызывает особый интерес как в связи с исключительной ролью этикета в местных культурах, так и потому, что традиции хулы и хвалы доведены здесь до виртуозности. Достаточно упомянуть, что, по словам Глушковой, в индийских политических кругах популярны объемистые сборники непарламентских выражений, запрещенных к использованию в отношении представителей власти. Такие запреты становятся особенно востребованными в эпоху «оскорбленных чувств».

¹ Ей же принадлежат переводы стихов ряда местных авторов.

Тема хвалы и хулы не ограничивается лексическими оборотами и особенностями интонации. Она, во-первых, включает разнообразное невербальное поведение со своеобразной культурной символикой, а во-вторых, теснейшим образом связана с социальными и межкультурными взаимоотношениями. Все это неизбежно требует обращения к междисциплинарности, а следовательно, к очень разнообразным материалам и различным методам исследования. Кроме того, как отмечает Ванина, в книге учитывается «лингвистический поворот» и используется популярный сегодня дискурсивный подход. По ее мнению, акцент следует делать на особенностях (средствах) выражения восхваления и осуждения, их смыслах и функционировании в конкретных обществах, а также их соотношении с принятыми нормами и ценностями. Это тем более важно, что в разных обществах одни и те же слова и жесты могут иметь очень разный смысл вплоть до противоположного (С. 41–44).

К этому можно было бы добавить и цифровую символику: скажем, 420, означающее в Индии мошенничество; 666, в котором верующий христианин без труда опознает знак Сатаны или Антихриста; 18 и 88, используемые неонацистами как знаки восхваления Гитлера и преклонения перед ним. Мало того, бывает и так, что одно и то же качество или поведение получает безусловное одобрение по отношению к «своим», но подвергается поношению в отношении «чужих» [Beidelman 1964].

Ванина определяет «хулу» и «хвалу» как «коммуникативные действия, с помощью которых люди оценивают соответствие / несоответствие объекта социального взаимодействия социальным <...> ценностям, выработанным обществом или группой нормам поведения» (С. 65). Все же, думается, в отношении хулы речь идет не только об оценке, но и о сознательном вызове, провокации, призванной породить ту или иную ожидаемую или желательную (позитивную или негативную) эмоциональную реакцию, причем как среди «своих», так и среди «чужих»¹. Либо же хула сама выражает реакцию на внешние вызовы (С. 60). Иной раз ее использование вменялось в обязанность, как, например, «риторика поношения» в раннем христианстве (см., например: [Friesen 2006]). Примечательно, что в Европе эта традиция дожила до XIX в., находя применение как в языке политиков и журналистов, так и в миссионерской практике. В частности, это широко использовалось в борьбе с «язычеством» и «идолопоклонством», в разряд которых многие европейцы включали индуизм (С. 423–441). Похоже, что «риторика

¹ Именно этому посвящена статья Ваниной о плакатном искусстве (С. 315–335).

поношения» не была чужда и средневековой Южной Азии (см., например: С. 772–774, 843–848).

Глушкова показывает, что в XX в. ритуальное сквернословие стало в Индии частью элитарной, в том числе политической, риторики — «культурным кодом творческой элиты». Но она же демонстрирует, что «вербальное непотребство» может быть преходящим явлением, привязанным к конкретному периоду и конкретной среде (С. 146–191).

Что же касается хвалы, то, по словам Е. Семенович, в отношениях «начальник — подчиненный» мы встречаем скорее не оценку, а сознательную лесть инструментального характера, преследующую корыстные интересы «придворных льстецов». При этом в Индии чинопочитание, выросшее из традиции поклонения божествам, породило «искусство лести», достигающее высот профессионализма. Этому способствует то, что личная преданность здесь ценится выше, чем верность идеологии или политическому курсу (С. 379–398). Если же лесть обращена к богам, то здесь мы имеем дело с ритуальным речевым поведением, которому сопутствовало столь же ритуальное самоуничтожение. Попутно отмечу, что это было не чуждо и святоотеческой традиции, т.е. является определенной универсальной ритуальной практикой.

Как объясняет А. Аппадурай, хвала и хула устанавливают и подчеркивают особенности этикетных взаимоотношений (близость / дистанция) между субъектами, и тогда речь идет не о выражении эмоций, а о формальном следовании принятым нормам, в частности традициям почитания и восхваления (С. 125–135). По словам Аппадурай, «хвала оценивается с точки зрения создаваемого ею “эмоционального сообщества”, а не подлинности выражения чувств субъекта и объекта восхваления» (С. 140). Многочисленные примеры этого приводятся Глушковой в главе о взаимоотношениях англичан с правителями княжества Дхар, где лесть представлена «коммуникативной стратегией» (С. 642–683). Мало того, разбирая творчество известного маратхского писателя, она рассматривает сочетание англоязычной лести с маратхской руганью как стратегии, обращенные к разным целевым аудиториям (С. 676–677). Все это говорит о разнообразии функций хвалы и хулы, которые поэтому трудно свести к какому-либо общему определению. Кроме того, здесь перед нами разворачиваются и сталкиваются две национальные языковые культуры со своими нормами языкового поведения, что, возможно, заслуживало бы более детального обсуждения.

Книга изобилует конкретными примерами (case studies) различных проявлений хвалы и хулы, идет ли речь о раскодирова-

нии лозунгов регулярного воинского ритуала и «патриотического туризма» на индо-пакистанской границе, анализе туристических брендов и туристических практик, исследовании языка вражды в политической пропаганде, в частности в ходе парламентских выборов, идеологической борьбе «квасных патриотов» с «западниками», изучении символического языка граффити и плакатного искусства в университетском кампусе, а также провокативного искусства рок-музыкантов. Обсуждаются как использование средневекового понятия «богохульства» в современных условиях Южной Азии, так и своеобразные патрон-клиентские взаимоотношения во властных верхах.

Если в первой части книги акцент делается в основном на внутренних политических отношениях и практиках, то вторая часть, посвященная колониальному периоду, включает более разнообразную проблематику — взаимоотношения и взаимовосприятие англичан и индийцев, позиции «патриотов» и «англофилов» в контексте национального пробуждения, а также особенности колониального дискурса в Махараштре. Здесь говорится об изобретении англичанами новой традиции парадных церемоний, титулования и награждения индийских князей, а также о практике хулы и хвалы в судебных речах с их цветистостью и эмоциональностью. Разбираются и эпитафии офицерам и чиновникам Ост-Индской компании как примеры хвалы, создававшей миф о колониальной империи.

В частности, внимание привлекает проанализированный Е. Ваниной и Л. Васильевой традиционалистский исторический дискурс колониального времени, представленный поэмами мусульманина Алтафа Хусейна Хали и индуса Майтхилишарана Гупты, обличавших настоящее и искавших в прошлом образец для построения прекрасного общества будущего. Примечательно, что оба они делали ставку на принесенные европейцами образование и научно-технические достижения, хотя у писавшего в более поздний период Гупты уже имелись сомнения на этот счет. Вместе с тем, в отличие от питавшихся ведическими идеями эзотериков, они вовсе не ассоциировали современную им эпоху с *Кали-Югой*. Зато в их поэмах уже проглядывало коммуналистское будущее Южной Азии, обещавшее государственное разделение на индусов и мусульман.

Определенным контрастом этому выглядит «Открытие Индии» Джавахарлала Неру, предложившего собственное видение будущего. В своей статье А. Новикова предлагает рассматривать написанную в тюрьме при отсутствии необходимых источников книгу Неру как образец раздумий видного политика, не способного выстроить картину будущего без обращения к героическому прошлому, но при этом воспроизводившего расхожие

ориенталистские и традиционалистские стереотипы¹ («утешение историей», по словам Новиковой). В то же время в противовес коммуналистам Неру не был противником смешанной культуры. Напротив, он подчеркивал, что завоеватели интегрировались в местное население и новая синтетическая культура лишь способствовала развитию страны. Принимая прошлое Индии не без критики, Неру тем не менее им восхищался, полагая, что оно даже выигрывало в сравнении с античными Грецией и Римом. Причем это якобы относилось и к положению женщин — обычай *sati* Неру, похоже, игнорировал. Вряд ли это может удивлять в устах патриота Индии, но удивительно то, что и авторы тома почти нигде не упоминают этот обычай (но см.: С. 620), тем более не дают ему оценки.

Отдельный раздел, подготовленный Глушковой, посвящен маратхской проблематике. Здесь, в частности, рассматривается процесс мифологизации образа местной правительницы XVIII в. Ахилья-баи, причем руку к этому приложили сперва шотландские романтики, включая поэтессу Джоанну Бэйли, за которой последовали современные феминистки. И лишь недавно чествование Ахилья-баи произошло в стенах индийского парламента.

Наконец, в последней части книги, посвященной Средневековью, открываются корни тех традиций, которые во всем многообразии обсуждались ранее. Это прежде всего деление на «своих» и «чужих», причем в устах как мусульман, так и индусов. При этом эмоциональные реакции оказываются не столь однозначными, как мог бы предположить сторонний наблюдатель. Ведь и история заселения Южной Азии отличается необычайной сложностью, включая многообразные процессы вхождения «чужаков» в местную среду. В итоге формировались традиции восприятия и адаптации «других» — от полного неприятия «идолопоклонников» некоторыми султанами до ощущения себя неотъемлемой частью Индии отдельными представителями правящей элиты (Ванина). Зато взаимоотношения исламских правителей с сикхами со временем портились и в XVII в. переросли в настоящую войну. Эта война и превратила мирную религиозную общину сикхов в братство воинов, а пренебрежительное отношение к «сброду» сменилось в устах могольской знати ужасом перед «злыми бандитами» (К. Демичев).

Книга завершается обсуждением особенностей хвалы и хулы в средневековой тамильской поэзии. Речь идет о культе шиваитских святых-*бхактов* и предназначенных им гимнах, а также

¹ О том, что такой способ мышления присущ политикам не только в Индии, см.: [Шнирельман 2009].

в целом о традиции панегирической поэзии, где уничтожение и самоуничтожение служили способом восхваления (О. Вечерина, А. Дубянский). Дается также представление о «войне религий» у тамиллов (М. Павлова).

К сожалению, уровень представленных публикаций отличается неровностью: если одни содержат глубокий научный анализ, то другие ставят своей главной задачей познакомить читателя с некоторыми яркими сторонами местной жизни. При этом отдельные авторы настолько увлекаются исторической канвой, что порой забывают о стержневой проблематике тома.

Особое впечатление производят произведения местных авторов, выражающие то гнев по поводу социальной несправедливости или коррупции, то безмерную любовь к родине, то возмущение колониальной политикой и дискриминацией, то презрение к льстецам, лизоблюдам и карьеристам, то восхищение Англией. В них открывается вся неоднозначность понятий хулы и хвалы, которые в конкретных случаях оказываются вовсе не тем, чем кажутся при поверхностном взгляде.

В книге встречаются и удивительные вещи: например, читатель узнает, что Бутан — единственное государство на земле, где имеется министерство счастья, что из чинопочитания один высокий индийский чиновник носил на голове шлепанцы Санджая Ганди, что в Пакистане «оскорбление религиозных чувств» может караться смертной казнью и по таким поводам в последние 30 лет было возбуждено в 600 раз больше дел, чем за 90 лет британского правления (правда, фактически никто не был казнен по таким обвинениям, хотя убийства во внесудебном порядке происходили), что бенгальский канон позволял женам ругать мужей за физические недостатки, но не за недостойное поведение, или что в эпоху Средневековья ослепительно белая кожа казалась индийцам отвратительной, а термины «тюрок» и «мусульманин» использовались как синонимы. Но с течением веков отношения становились мягче, накал страстей падал. Зато сикхизм воспринимался многими мусульманскими правителями как враждебная «секта», заслуживающая преследований.

В особенности поражают примеры чинопочитания: так, Индиру Ганди называли «императрицей Индии», Соня Ганди среди своих приверженцев слышит «матерью всех индийцев», а премьер-министра Нарендру Моды некоторые считают «святым». Узнаем мы и о том, что когда-то в Индии был популярен лозунг «Индира есть Индия, а Индия есть Индира» (это, однако, не помешало убийству Индиры Ганди). Нечто знакомое обнаруживается и в освобождении известного индийского князя от уголовной ответственности в ответ на его согласие отречься от трона (С. 710).

Встречаются здесь и другие до боли знакомые сюжеты, например обвинения политических противников в экстремизме, заговоре или поддержке сепаратизма. В особенности привлекают внимание опасения представителей большинства, что якобы религиозные или этнические меньшинства вкупе с неприкасаемыми претендуют на их привилегии. И именно это, а не дискриминация меньшинств вызывает дикую ярость и диффамацию (С. 249–296). Показательны активное участие религии в политике и стремление властей ограничить доступ общественности к альтернативной информации. В то же время продемонстрированы огромные возможности социальных сетей в разжигании вражды, в частности путем ссылок на исторические аналоги.

Вообще апелляция к фольклорным нарративам и историческим прецедентам — это повсеместная практика в Южной Азии, где для повышения своего авторитета политики иной раз сами выступают в роли эпических героев со всеми их атрибутами или уподобляются божествам в устах лстивых приближенных. В наши дни это порождает целую политико-религиозную иконографию, которая тоже анализируется в рассматриваемом томе.

Совершенно уникальным является составленный некоторыми авторами список инвектив и хвалебной лексики, используемых в современной Южной Азии (С. 69–104). В книге имеются очень полезные именной и географической указатели, а также глоссарий. Наконец, нельзя не отметить, что в рассмотренном томе отдается должное памяти А.М. Кадакина (1949–2017), известного советского и российского дипломата и блестящего знатока Индии, оказавшего неоценимую помощь участникам проекта.

Учитывая высокий профессионализм авторов, от рассмотренного тома можно было ожидать более строгой структурированности и систематичности. В частности, огорчает отсутствие специальной статьи, посвященной гендерному фактору, весьма значимому в Южной Азии, о чем говорят очерк Глушковой об Ахилья-баи, средневековые восхваления богини Нараяни, а также бенгальский канон поношения женами мужей и почитание женщин-*бхактов* у тамиллов. Стоило бы также специально проанализировать социальные, региональные, кастовые, возрастные и поколенческие особенности хулы и хвалы, а также соотношение эмоциональных реакций и нормативных формул, тем более что в отдельных статьях эти сюжеты затрагиваются. Большого внимания заслуживали бы и особенности хвалебной лексики, связанные с разными статусами и титулами, ведь это известно в Южной Азии, например в Пакистане

запрещается применять к другим эпитеты, предназначенные только для Мухаммеда и его окружения. Такое явление известно и в других регионах мира (специалисты описывают его как «язык знати»). В этом и в ряде других случаев читателю явно не хватает обращения к имеющимся сравнительным материалам, что вывело бы анализ на гораздо более высокий теоретический уровень. Наконец, почему-то не все иллюстрации сопровождаются подписями.

Иными словами, перед нами скорее россыпь алмазов, чем законченное бриллиантовое кольцо. Это скорее сборник материалов для анализа, чем сборник аналитических работ (хотя и такие работы в нем присутствуют). В любом случае его ценность видится в том, что, как он прекрасно демонстрирует, извечная российская борьба «патриотов» с «западниками» оказывается отнюдь не уникальной. То же самое, а возможно, и в еще большей мере наблюдается в странах Южной Азии. Поднятые авторами темы выходят далеко за пределы Южной Азии. Поэтому результаты проведенного исследования представляют огромный интерес не только для индологов.

Библиография

- Шницерльман В.А.* Президенты и археология, или Что ищут политики в древности // *Ab Imperio*. 2009. № 1. С. 279–323.
- Beidelman T.O.* Intertribal Insult and Opprobrium in an East African Chiefdom (Ukaguru) // *Anthropological Quarterly*. 1964. Vol. 37. No. 2. P. 33–52.
- Friesen S.* Sarcasm in Revelation 2-3: Churches, Christians, True Jews, and Satanic Synagogues // Barr D.L. (ed.). *The Reality of Apocalypse. Rhetoric and Politics in the Book of Revelation*. Leiden: Brill, 2006. P. 127–144.

Виктор Шницерльман

A Review of E. Yu. Vanina (ed.), *Khula i khvala: Kommunikativnye modalnosti istoricheskogo i kulturnogo svoeobraziya* [Abuse and Praise: Communicative Modalities of Historical and Cultural Originality]. Moscow: Nauka — Vostochnaya literatura, 2017, 927 pp., ill. (Under the Skies of South Asia, vol. 4)

Victor Shnirelman

Institute of Ethnology and Anthropology
32-A Leninskiy Av., Moscow, Russia
shnirv@mail.ru

This review discusses a book on the South Asian verbal and non-verbal practices of expressing either flattery, or insult. The authors analyze data from various periods of time. They cover, firstly, contemporary media and hate speech, secondly, colonial discourse, and thirdly, medieval rules and norms of the manifestation of emotions. It is argued that the South Asian practices in question were frequently caused by either ritual verbal behavior, or traditional communicative strategies.

Keywords: Southern Asia, etiquette, verbal behavior, hate speech, colonial discourse, emotions.

References

- Beidelman T. O., 'Intertribal Insult and Opprobrium in an East African Chiefdom (Ukaguru)', *Anthropological Quarterly*, 1964, vol. 37, no. 2, pp. 33–52.
- Friesen S., 'Sarcasm in Revelation 2-3: Churches, Christians, True Jews, and Satanic Synagogues', Barr D. L. (ed.), *The Reality of Apocalypse. Rhetoric and Politics in the Book of Revelation*. Leiden: Brill, 2006, pp. 127–144.
- Shnirelman V., 'Prezidenty i arkheologiya, ili Chto ishchut politiki v drevnosti' [Presidents and Archaeology, or What Politicians Are Seeking in the Remote Past], *Ab Imperio*, 2009, no. 1, pp. 279–323. (In Russian).